

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеев

ПИСЬМО ПУШКИНА К ДЖОРДЖУ БОРРО

Среди книг библиотеки А. С. Пушкина, описанных Б. Л. Модзалевским, под № 666 значится книга Джорджа Борро, изданная в Петербурге, в 1835 г.: «Таргум, или стихотворные переводы с тридцати языков и наречий» (Targum, or metrical translations from thirty Languages and Dialects, By George Borrow, St. Petersburg, Printed by Schultz and Benezé, 1835).¹ Автором ее был известный впоследствии английский писатель и переводчик, Джордж Борро (1803—1881), около двух лет (между 1833 и 1835 г.) проживший в Петербурге.

Обстоятельства, приведшие Дж. Борро в Россию, были достаточно необычными. Он не имел отношения к часто встречавшимся в русских столицах в 20—30-х годах XIX в. английским туристам, к тем «залетным путешественникам» и «блестящим лондонским нахалам», которых Пушкин заклеймил в VIII главе «Евгения Онегина»; он не принадлежал ни к «высшему» английскому обществу, ни даже к кругам состоятельных людей, которые могли совершать путешествия ради собственного удовольствия. Сын бедного офицера, начавший самостоятельную трудовую жизнь в качестве клерка в одной из провинциальных адвокатских контор, Джордж Борро всячески старался пробить себе дорогу в литературу и журналистику, но на первых порах это ему плохо удавалось. На путешествие в Россию его толкнули нужда и случай. В эти годы Борро как писатель был еще мало известен у себя на родине; переводческая деятельность его только началась, а как поэт, мемуарист и автор нескольких романов Борро составил себе имя много лет после своего отъезда из Петербурга.

С ранних лет Борро отличался замечательными способностями к языкам; в юности он хорошо знал уже до двенадцати языков, древних и новых. Особо стоит отметить интерес Борро к цыганскому языку, не покидавший его до конца жизни и сделавший его, в конце концов, одним из виднейших знатоков и исследователей этого языка в Западной Европе. Именно дарования лингвиста-практика привлекли к нему внимание британского «Библейского общества», которое предложило Борро поехать в Петербург, ознакомиться здесь с теми рукописными переводами Библии на китайский и манчжурский языки, которые здесь найдутся, в особенности же с теми, которые были выполнены русскими синологами, самому научиться китайскому языку у таких его петербург-

¹ «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 173. Таргум — халдейское слово, обозначающее «перевод» (этим термином обозначали переводы отдельных частей ветхого завета на халдейский или арамейский языки).

ских авторитетных знатоков, каким был в то время Иакинф Бичурин, и, наконец, воспользоваться теми удачными опытами литографирования китайских иероглифов, какие связаны были с именем петербургского востоковеда-дилеганта П. Л. Шиллинга-Канштата. Дж. Борро принял эти предложения и отправился в Петербург. Он надеялся на свои лингвистические способности: манчжурский и китайский языки могли пополнить тот длинный список языков, которыми он уже овладел, и открыть ему дальнейшие жизненные перспективы. Страсть Борро к изучению языков была столь же непреодолима, как и его желание видеть новые страны.

Борро приехал в Петербург в августе 1833 г. Петербург показался ему «прекраснейшим городом в мире». «Лондон, Париж, Мадрид и другие столицы, в которых я бывал, и в подметки не годятся ему», — писал он на родину.¹ Еще большие восторги чувствуются в последующих его письмах из Петербурга.² Первые впечатления оказались устойчивыми и никогда более не покидали Борро; чем больше он входил в русскую жизнь и знакомился с русскими людьми, тем больше они ему нравились. Через год (письмо от 1 мая 1834 г.) Борро признавался: «Мне очень нравится жить здесь, так как русские — самый добродушный и любезный народ в мире»;³ этим и нужно объяснить, что он сравнительно скоро овладел русским языком, к которому чувствовал интерес и влечение. Правда, несмотря на двухлетнее пребывание в России, Борро почти не завязал никаких связей с кругами петербургских литераторов. Он случайно добрался лишь до «салона» Н. И. Греча, а о том чтобы стать гостем в более высоких литературных сферах и быть представленным Пушкину, к которому он чувствовал благоговение, Борро не смел и мечтать. С тем большим увлечением Борро погрузился в самую толщу русской жизни, сводил знакомства в кругах петербургского мещанства, среди ремесленников и, мечтая повидать русских цыган в интересах своих лингвистических и этнографических изучений, совершил даже поездку в Москву.

Одним из ближайших приятелей Борро в период его петербургской жизни был Джон Гасфельдт.

Джон (или Иоганн) Гасфельдт был датчанином и, согласно данным В. Нэппа, родился в Дании 17 декабря 1800 г. Прослужив некоторое время в министерстве иностранных дел в Копенгагене, Гасфельдт уехал в Петербург в сентябре 1830 г. Здесь он сперва был причислен к датскому посольству в качестве переводчика, но затем отказался от датской государственной службы и сделался преподавателем иностранных языков в морском кадетском корпусе и других учебных заведениях Петербурга. «Между Борро и Гасфельдтом, — пишет Нэпп, — возникла тесная дружба, которая повела, после их разлуки, к длительной переписке, продолжавшейся до тех пор, пока Борро не перестал обмениваться письмами с кем-либо. Все письма Гасфельдта писаны по-датски на очень тонкой бумаге, очень мелким почерком, и некоторые из них содержат петербургские воспоминания и сплетни за все эти годы. Два приятеля встретились в Ультоне в 1852 г. и потом снова в 1857 г. С этого момента всякие письменные следы датчанина пропадают, и все мои усилия узнать в Дании и в России о последнем периоде его жизни

¹ William Ireland Knapp, Life, writings and correspondence of G. Borrow, Derived from official and other authentic sources, London, 1899, vol. I, p. 171.

² Там же, стр. 172.

³ Там же, стр. 200—201.

остались бесплодными».¹ Более поздний биограф Дж. Борро, К. Шортер, напечатал письмо Гасфельдта из Петербурга от 26 апреля (8 мая) 1858 г.;² из этого письма следует, что Гасфельдт собирался тогда вовсе покинуть Россию, где он прожил 27 лет, и возвратиться в Данию. Не можем сказать с полной уверенностью, осуществил ли он свое намерение и долго ли пробыл у себя на родине; такие поездки он совершал нередко;³ однако умер Гасфельдт, повидимому, в России, в глубокой старости.⁴

История многолетней дружбы Борро и Гасфельдта раскрывается нам, главным образом, из их переписки. В руках биографа Борро В. Нэппа были многочисленные письма Гасфельдта к Борро, написанные из Петербурга между 1835 и 1849 гг., однако он не мог напечатать их полностью и привел лишь их пересказы или выдержки из них. В 1913 г. К. Шортер опубликовал еще три письма Гасфельдта к Борро из Петербурга, случайно отколовшиеся от всей коллекции. Все исследователи Борро высказывали сожаление, что им не были известны ответные письма Борро к Гасфельдту. Сравнительно недавно некоторая часть этих писем нашлась: в рукописном отделении Ленинградской гос. Публичной библиотеки хранится 21 письмо Борро к Гасфельду 1836—1846 гг.: все они не изданы.⁵ Данные, которые можно извлечь из этих писем, в сопоставлении с теми, которые заключаются в опубликованных письмах Гасфельдта, позволяют нам довольно подробно представить себе обстановку жизни Борро в Петербурге.

Из этих писем мы знаем, что, выполнив поручение по отпечатанию текста маньчжурской библии, Борро в той же петербургской типографии Шульца и Бенезе издал в очень ограниченном количестве экземпляров ту самую книгу своих переводов «Таргум», которая сохранилась в библиотеке Пушкина. В этой книге Борро поместил свои стихотворные переводы с множества языков — древнееврейского, арабского, персидского, турецкого, татарского, китайского и ряда европейских, всего 30 языков. Интерес этой книге придает, между прочим, то обстоятельство, что здесь же напечатаны два перевода из Пушкина: «Черной шали» (стр. 27—28) и песни из «Цыган» (стр. 29). Описавший эту книгу по экземпляру библиотеки Пушкина, Б. Л. Модзалевский не заметил, что в одном переплете с нею находится и другая брошюра с переводами из Пушкина, изданная Борро в той же петербургской типографии через несколько месяцев после «Таргума». Это издание имеет следующее название: «Талисман. Перевод с русского языка стихотворения Александра Пушкина, с прибавлением других стихотворений», Спб. 1835 (The Talisman. From the Russian of Alexander Pushkin, With other pieces, St. Petersburg, 1835; ценз. разрешение: 24 августа 1835 г.). Здесь напечатаны в английском стихотворном переводе «Талисман» Пушкина

¹ W. I. Knapp, там же, стр. 173.

² C. Shorter, G. Borrow and his circle, London, 1913, стр. 168.

³ Н. И. Греч. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии, СПб., 1847, стр. 7, 17.

⁴ Решаюсь отождествить его с Иоганном-Петерсоном Гасфельдом, похороненным на Волковом лютеранском кладбище; по данным надгробной надписи он род. в 1800 г., а умер 15 декабря 1894 г. («Петербургский некрополь», т. I, стр. 646). Характеристику Гасфельдта см. еще В. Б. (урнашев). «Из воспоминаний петербургского старожила», «Заря», 1871, апрель, стр. 9.

⁵ Ниже я цитирую эти письма в переводах, сделанных непосредственно с подлинников. На значение этих писем я уже указывал в статье «Пушкин на Западе», «Временник Пушкинской комиссии», кн. 3, М.—Л., 1937, стр. 124.

(стр. 3—4) и его же баллада «Русалка» (стр. 5—7). Имя переводчика на этот раз не указано ни на титульном листе брошюры, ни в тексте, но мы знаем, что им был тот же Борро.

Все эти переводы Борро из Пушкина заняли видное место в английской пушкинской литературе, хотя в художественном отношении они оставляют желать многого. В переводе «Черной шали», например, Борро допустил смысловую ошибку, не поняв стиха «младую гречанку я страстно любил» и превратил гречанку (т. е. Greek maid) в собственное имя Greshenka; лучше других перевод «Талисмана». Тем не менее, за этими переводами Борро из Пушкина остается несомненная историческая заслуга. Брошюра, заключающая в себе переводы «Талисмана» и «Русалки» была первым отдельно выпущенным английским изданием стихотворений Пушкина.

Как попали оба эти издания к Пушкину? Об этом рассказывает нам переписка Борро с Гасфельдтом. Вечером 27 августа (8 сент. н. ст.) 1835 г. Борро и Гасфельдт встретились в Петербурге последний раз перед долгой разлукой. На другой день Борро выехал в Кронштадт, чтобы пересечь там на пакетбот, шедший в Англию через Любек и Гамбург. На родине Борро, однако, пробыл недолго. Вскоре он отправился с новым поручением в Португалию и Испанию. Одно из писем Борро к Гасфельдту ленинградской коллекции послано в Петербург из Мадрида, 23 мая 1836 г. В этом любопытном письме Борро пишет Гасфельдту: «Вот уже несколько недель, как я получил от вас два письма с автографами Пушкина и Жуковского. Сердечно благодарю вас за беспокойство, которое вы себе причинили, добывая их для меня», и т. д. Естественен вопрос, что это за автограф Пушкина Гасфельдт добывал для Борро и послал его в Мадрид? Ответом на это служат одно из писем Гасфельдта, опубликованное В. Нэппом. Из него явствует, что речь идет о записке Пушкина в благодарность за поднесенные ему экземпляры «Таргума» и «Талисмана» в одном переплете.

Вот что писал Гасфельдт к Борро из Петербурга (в письме, ответом на которое служил только что цитированное послание): «Вскоре после того, как я узнал, что Пушкин находится в городе, я навестил его и преподнес ему Вашу книгу. Он принял ее с очевидным удовлетворением. Он очень сожалел, что не познакомился с Вами, пока Вы были здесь. Он спросил меня, переписываюсь ли я с Вами, и, получив утвердительный ответ, просил выразить Вам свою благодарность. Воспользовавшись удобным случаем, я мгновенно вытащил из своего кармана этот лист бумаги и просил его написать несколько слов, которые Вы найдете ниже вместе с их хорошей копией не столь поэтической орфографией; в противном случае Вам пришлось бы их долго изучать, прежде чем Вы смогли бы расшифровать его каракули (crowstracks)». ¹ Далее В. Нэпп печатает текст записки Пушкина по-русски, сопровождая его транскрипцией латинскими литерами, а также дословным английским переводом. ² Не вполне ясно, принадлежит ли эта транскрипция Гасфельдту или самому Нэппу, который несомненно имел в руках и подлинный автограф Пушкина, но сопоставление всех указанных трех текстов, — русского в оригинале, в транскрипции и в переводе, — не оставляет никакого сомнения в том, что записка Пушкина прочтена и воспроизведена безошибочно.

¹ W. I. Knappe, I, стр. 225.

² Там же, стр. 225—226.

Приводим эту записку с соблюдением орфографии подлинника, так как до последнего времени она не была известна в литературе о Пушкине и в собрания его писем не включалась.

Александръ Пушкинъ съ глубочайшей благодарностію получилъ книгу Господина Борро и сердечно жалѣеть, что не имѣлъ чести лично с ним познакомиться.

К сожалению, почти все письма Гасфельдта, в том числе и только что цитированное, приведены В. Нэпом не полностью и без указания их дат. Это затрудняет решение вопроса о том, когда Гасфельдт побывал у Пушкина и, следовательно, каким числом следует датировать посланную им Борро в Мадрид записку поэта. Тем не менее можно высказать некоторые предположения по этому поводу.

Почему сам Борро не отправился к Пушкину, чтобы преподнести ему свои переводы? Обратим прежде всего внимание на то, что брошюра Борро с его переводом «Талисмана» имеет цензурное разрешение от 24 августа 1835 г.; следовательно, она должна была выйти в свет после возвращения Борро из Москвы и ко дню его отъезда из Петербурга, 28 августа (9 сентября н. ст.) или даже позже этого времени. 7 сентября 1835 г. Пушкин, в свою очередь, уехал из Петербурга в Михайловское и Тригорское и вернулся в Петербург не позднее 23 октября. Следовательно, Гасфельдт не мог выполнить поручение Борро ранее этой даты, отчего он и пишет в своем письме: «Вскоре после того, как я узнал, что Пушкин находится в городе...» С другой стороны, Гасфельдт не мог выполнить своего поручения также и после 8-го апреля 1836 г., так как в этот день Пушкин уехал из Петербурга в Москву, а записка его, посланная Гасфельдтом в Мадрид, пришла туда в конце апреля или начале мая (23 мая н. ст. Борро, как мы видели, свидетельствовал, что он получил эту записку более двух недель назад).

Конец того же письма Гасфельдта к Борро содержит еще одно указание, которым необходимо воспользоваться. Гасфельдт пишет: «Жуковский все еще в Царском Селе и будет в городе не ранее, чем на будущей неделе. Я не премину вручить ему Ваше дитя «Таргум», и если мне удастся побудить его написать несколько слов, то они послужат к украшению моего следующего письма к Вам». Таким образом, записка Пушкина была вложена в письмо Гасфельдта еще до того времени, как ему удалось получить для Борро благодарственный автографический отклик Жуковского. Поэтому Борро и говорит о двух полученных им письмах Гасфельдта, содержащих в себе «автографы Пушкина и Жуковского»; первое из этих писем послано из Петербурга в Мадрид еще до того, как Жуковский возвратился в Петербург из Царского Села. К сожалению, точная дата приезда Жуковского в Петербург остается неизвестной и с трудом поддается определению; мы знаем лишь, что Жуковский был здесь в апреле 1836 г.¹ Исходя из всех этих хронологических сопоставлений, можно было бы условно датировать

¹ Дневников Жуковского за 1834—1836 гг. не сохранилось (см. «Дневники В. А. Жуковского с прим. И. Бычкова», СПб., 1903, стр. 4; «Бумаги В. А. Жуковского», СПб. 1887, стр. 3—17); известно, что в Петербург Жуковский приехал из Царского Села 29 октября 1835 г. (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, стр. 290) и в конце декабря того же года поехал в Дерпт («Остафьевский архив», т. III, СПб., 1899, стр. 282); 4-м апреля 1836 г. датировано его письмо из Петербурга к А. Стурдзе («Русская старина», 1902, май, стр. 389).

записку Пушкина мартом 1836 г.; во всяком случае она написана между концом октября — началом ноября 1835 г. и концом марта 1836 г.; с большим вероятием следует ее относить к началу 1836 г., чем к концу 1835 г.

Записка Жуковского, полученная Госфельдтом для Борро и посланная ему в Мадрид, также не датирована. Подлинный текст ее (по-русски) мы находим в той же книге В. Нэппа: «Я с величайшей благодарностью получил Вашу книгу и обещаю себе много удовольствия от ее чтения. Примите уверение в душевном моем почтении. Жуковский». ¹

Отметим еще один факт, представляющий некоторый интерес для истории посещения Гасфельдтом Пушкина с изданиями переводов Борро в руках. В мартовском номере лондонского журнала «Атенеум» 1836 г. за подписью J. P. H., под которой скрылся Джон Гасфельдт, ² было помещено его большое письмо, помеченное: «С.-Петербург. 24 января (5 февраля)». Гасфельдт жалуется здесь на невнимание английских журналистов к русской литературе, на ошибочность существующих в Англии представлений о России и т. д.; непосредственным поводом для этой статьи Гасфельдта послужили, однако, английские издания Борро, выпущенные в Петербурге. Вслед за кое-какими данными о Борро, сообщенными весьма дружеской рукой, Гасфельдт в восторженных выражениях отзывается о «Таргуме» и «Талисмане». «Изысканная утонченность, с которой он постиг и воспроизвел красоты хорошо выбранных оригиналов, — пишет Гасфельдт о Борро, — является свидетельством его учености и таланта». «Таргум» — «представляет собою жемчужину литературы и, подобно жемчужинам, издание приобретает ценность благодаря своей редкости, так как его напечатано около 100 экземпляров». И чтобы не показаться голословным в своей оценке, Гасфельдт воспроизводит далее два образца из переводов Борро, один — с датского, другой — «Талисмана» Пушкина. ³ Номер «Атенеума» с указанной статьей вышел в свет 5 марта 1836 г. и был получен в Петербурге недели две спустя, т. е. бытия может именно около того времени, когда Гасфельдт навестил Пушкина. Очень возможно, что Гасфельдт явился к Пушкину не только с изданиями Борро в руках, но и со свежим номером «Атенеума», где воспроизведен был «Талисман»: этот пере-

¹ W. I. Knapp, там же, стр. 226. Экземпляр «Таргума», преподнесенный Жуковскому Гасфельдтом от имени автора, сохранился в основной части библиотеки Жуковского, ныне находящейся в Томском гос. университете (Каталог главной библиотеки имп. Томского университета. Томск, 1889, т. 1, № 13889).

² Принадлежность этой корреспонденции перу Гасфельдта, — о чем, впрочем, можно было бы догадаться и из ее содержания, — удостоверяется его собственным письмом к Борро от 6(18) ноября 1836 г., напечатанном в книге Кл. Шоргера (George Borrow and his circle. London, 1913, стр. 165—166). Гасфельдт пишет здесь: «В 436 номере «Атенеума»... вы найдете статью, которую я написал и в которой Вы упоминаетесь».

³ «Athenaeum» March 5, 1836, № 436, стр. 177—178. В библиографиях переводов из Пушкина на английский язык эта перепечатка «Талисмана» не указывалась. Отметим, кстати, что другой перевод Борро из того же его петербургского издания, — баллады Пушкина «Русалка», — был воспроизведен в пушкинском юбилейном номере лондонского журнала «The Anglo-Russian» (1899, vol. II, № 12, стр. 264); редакция этого журнала отзывалась об этом переводе, как об «одном из лучших английских переводов из Пушкина», не зная, однако, имени переводчика и упомянув лишь, что этот перевод был опубликован в Петербурге «анонимно... в 1837 г.» (sic!). Чрезвычайная редкость этого издания, по словам В. Нэппа, объясняется тем, что «Талисман» не всегда находился в одном переплете с «Таргумом» и, кроме того, не имел на титульном листе имени переводчика (W. Knapp, стр. 233). Переводы Борро из Пушкина в настоящее время перепечатаны в 15 томе собрания его сочинений (G. Borrow, Works, London 1924, vol 15, стр. 521—526).

вод мог лишний раз засвидетельствовать Пушкину, что его английский переводчик замечен и встречен похвалами в одном из распространенных английских журналов. Конечно, беседуя с Пушкиным о Борро, Гасфельдт сообщил русскому поэту целый ряд других данных биографического характера о своем друге, поручение которого он выполнял; все эти подробности не могли не заинтересовать Пушкина, отчего он и выразил сожаление, — нужно думать вполне искреннее, — что ему не удалось встретиться с Борро лично.

Подлинные автографы Пушкина и Жуковского остались неразысканными. Их нет ни в музее Борро в его родном городе Нориче, ни в бумагах В. Нэппа, где были предприняты поиски.

Борро и после отъезда из России очень интересовался Пушкиным. В «Таргуме» из «Цыган» напечатана лишь песня Земфиры, а между тем вся эта поэма Пушкина была переведена Борро полностью и ныне напечатана в полном собрании его сочинений.¹ В рукописях Борро остались также и были опубликованы только в недавнее время отрывки из его перевода «Руслана и Людмилы». О смерти Пушкина Борро узнал с запозданием из старых лондонских газет и писал по этому поводу Гасфельдту (20 ноября 1838 г.): «С печалью услышал я о смерти Пушкина. Поистине это потеря не только для России, но и для всего мира».

¹ G. Borrow, Works, London 1924, vol. 16, стр. 419—441.

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9